

**СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСА
ЗА СЧЕТ ОЦЕНОЧНЫХ КОННОТАЦИЙ
(на материале тамбовских прозвищ)**

© Марина Юрьевна МОРОЗОВА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра русского языка,
e-mail: morozko005@ Rambler.ru

Рассмотрена проблема реализации системы ценностей русского этноса за счет оценочных коннотаций в концептуальных областях: отношение к человеку, внешний вид, рост, черты характера, отношение к религии, к социальным законам и т. п. Делается попытка осмыслить не только генезис прозвищ с точки зрения их соотносительности с разными апелляциями, но и с мотивами, лежащими в основе проприальной номинации, что связано с малоизученной проблемой социокультурного анализа таких вторичных антропонимических единиц, как прозвище. Доказывается, что основными номинативными стратегиями прозвищ являются оценочные и образные, в отличие от широко известных имен собственных энциклопедической известности, для которых характерны рациональные стратегии номинации. Под номинативными стратегиями понимаются установки на физические свойства объекта действительности, его связь с другими объектами (рефлексивные), оценку (оценочные), образ (образные). На материале тамбовских прозвищ описываются прозвища, отражающие положительные и отрицательные особенности их функционирования в практике этноса и совокупный общественный опыт, что является результатом появления окказиональных прозвищ (прозвища *локальной известности*), функционирование которых связано с особой когнитивной стратегией носителя языка, а именно, с креативным речевым мышлением.

Ключевые слова: оценочность как языковая категория; коннотация; деривационная деятельность человека; словообразовательная микросистема локальных прозвищ; Тамбовская область.

В русской ономастической традиции прозвище является родом вторичного именования, важнейшей функцией которых, как отмечают многие исследователи, является заместительная наряду с сигнификативно-характеристической и дифференциальной (Н.В. Подольская, В.Д. Бондалетов, Е. Курилович, А.М. Селищев, А.В. Суперанская, Ю.И. Чайкина, В.К. Чичагов, Л.М. Щетинин, Г.В. Звездова, А.А. Бурькин, А.С. Щербак, Е.А. Кобзина, Л.И. Дмитриева, Е.С. Шостка и мн. др.).

Известно, что современные прозвища не входят в состав официальных именованных лиц и образуют второстепенную антропонимическую категорию, которая характеризуется тем, что прозвища функционируют в качестве необязательных второстепенных и заместительных именованных [1–5].

В прозвищах, несомненно, присутствуют элементы оценочного плана, которые характеризуют не только определенное лицо, но и отношение к нему со стороны «творцов» прозвищ. Учитывается также и то, как воспринимают их прозвищеносители. Прозвища функционируют в отдельных территориальных, социальных и других антропонимических микросистемах, поэтому интерес к изу-

чению прозвищ, бытующих в определенных ареалах, вполне обоснован [4].

В основу оценочной шкалы, которая определяет негативность / позитивность прозвищ, кладутся когнитивные, заложенные как в общерусской традиции, так и в традиции жителей определенного ареала, в частности Тамбовской области [6, с. 134-168; 7, с. 127-135; 8, с. 32-139].

В последнее время в ономастической литературе активно обсуждается вопрос об ассоциативной семантике онимов. Этот вопрос весьма интересен для нашей темы, поскольку он выходит за пределы классической лексической семантики, к компетенции которой относятся связи двух типов – значение и обозначение.

Как известно, для имен нарицательных характерны парадигматические ассоциации (день – ночь) и синтагматические ассоциации (ночь – темная), антропонимы же вызывают ассоциации, связанные с денотатом (Ваня – мальчик, Таня – девочка) или с множеством денотатов (структуры знаний, стоящие за производными: «последователь Тимура и его команды из повести А. Гайдара», «представитель детской организации, помогающий участникам войны, их семьям, инвалидам,

престарелым и т. п.), «человек, поступающий как Тимур из повести А. Гайдара», «положительная оценка деятельности лица» (прозвище *Тимуровец*). Наличие в прозвище суффикса -ЕЦ является прототипическим и передает значение «предметности», и с прозвищем *Тимуровец* появляется значение «лица».

Суффикс *-ец* в древнерусский период использовался как нейтральный для образования существительных при номинации людей, выполняя функцию антропонимизации. Например, человек, рожденный весной, получал прозвищное имя *Ярец* (Ярец, иконописец в Москве, 1482 г.) [9, с. 257].

Впоследствии этот суффикс стал использоваться в качестве социальной маркировки для обозначения княжеских детей, рожденных от наложниц... Этот же суффикс в старорусский период стал употребляться для наименования служителей церкви (ср. поп *Иванец*). Со временем эта морфема стала функционировать в разных сферах и «обращать» дополнительными коннотациями, но ее прототипическая «предметность» в настоящее время осознается всеми говорящими. Коннотация – это логически выводимая информация, базирующаяся на знании субъекта действительности, стоящего за именем собственным (производящим) и его концептуальным пространством (структурой). В справочной лингвистической литературе отмечается точка зрения, согласно которой коннотации являются дополнительными, сопутствующими, подразумеваемыми смыслами. Другая позиция – коннотации – это часть семантики языковой единицы [10]. Коннотации могут быть модальными, оценочными, эмоциональными, психологическими, культурными, семантическими, ассоциативными и т. п. [11, с. 263].

Изучение ассоциативной семантики онимов стало новым направлением в ономастике (И.С. Карабулатова, В.И. Супрун и др.), которое обретает широкую популярность. Изучение ассоциативных связей онимов нам представляется важным не только в качестве нового метода в изучении ономастики и нового подхода к ней. Ассоциативная семантика онимов позволяет решить некоторые проблемы, известные традиционной ономастике, но не находившие разрешения. Одна из таких проблем, исключительно важная для этимологии прозвищ, – это ассоциативные связи. По тем или иным соображениям постулиру-

ется качество фона, к которому должны вводиться прозвища. Другая проблема, имеющая прямое отношение к ассоциативным связям прозвищ в целом, – это проблема внешнего сходства онимов и имен нарицательных.

В антропонимике из практики известно, что человек всегда стремится избавиться от неблагозвучной фамилии или фамилии, вызывающей «сниженные» ассоциации, а в стилистике художественного текста столь же хорошо знакомо то, что фамилии со «сниженными» ассоциациями принадлежат отрицательным персонажам, персонажам со специально маркированным социальным положением, так или иначе такие фамилии служат средством индукции отрицательного отношения к литературному герою или сочувствия к нему.

Прозвища как класс онимов, в особенности в таких средах, которые трудно признать социально полноценными, – таких как детские коллективы в школах и дворовые компании, не говоря о кличках в криминальном и околокриминальном мире, всегда возникают из средств стилистически сниженной лексики, что в свою очередь вызывает негативное по крайней мере в эмоциональном плане отношение к самому этому классу онимов, становящемуся достоянием немногих специалистов. Здесь есть интересные наблюдения над образованием прозвищ в детской среде, где широко распространено усечение фамилий типа *Блинов – Блин*, *Кулешов – Кулиш*, *Рогачев – Рогач* и т. п., в какой-то мере вскрывающее прозвищную природу некоторых исконно русских фамилий.

Думается, что в основе инициативы к распространению такого рода прозвищ лежит сложившаяся манера обращения школьных учителей к учащимся по фамилии, а не по имени – манера, собственно говоря, абсолютно неадекватная с точки зрения практики общения. Не случайно такого рода прозвища не появляются среди детей дошкольного возраста, но потом получают широкое распространение именно среди школьников. Похожим процессом является подведение личных имен, немотивированных для носителя русского языка (тем более такого «наивного» носителя языка, как ребенок) под знаменательные слова, например, *Сергежа – Серый* и т. п.

Для старших школьников и молодежной среды может отмечаться замена гипокори-

стических форм имени сходными или соотносительными иноязычными личными именами, например, *Борис – Боб, Николай – Ник, Иван – Джон, Александр, Алексей – Алекс* и др. Такой процесс отражает контакт с иным языком, но по существу всегда является свидетельством знакомства с языком на «докоммуникативном» уровне, не позволяющем пользоваться им в общении, но проявляющемся в виде обозначения некой языковой компетенции.

Имеются примеры омонимии на уровне апеллятивов, легших в основу образованных от них прозвищ. В качестве иллюстрации можно привести следующие пары фамильных антропонимов и прозвищ, полученных из этих фамилий: *Пятка (Пяткин), Немец (Немцов)*. Пятка – часть человеческой ноги и Пятка – пятый сын у родителей; немец – житель Германии и Немец – немой, плохо говорящий или молчун. Таким образом, коннотация прозвищ и основ фамильных антропонимов отличается, прозвища привязаны к конкретным денотатам, оттого и ассоциации, возникающие при их звучании, более определены, узнаваемы и порой обидны.

Национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности, язык же не только отражает в своей семантике и указывает те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывает национальную специфику значений языковых единиц. Связь между прозвищем и производным осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространенность, прецедентность и т. д.).

Более сложные ассоциации, которые лежат в основе всякого рода метонимических переносов, наблюдаются в случаях замены апеллятива, к которому восходит фамилия, другим, связанным с ним по смыслу. При этом наблюдаются случаи созвучия. Фамилия *Кострюков* восходит к прозвищу *Кострюк*, которое давали неуживчивому, «колючему» человеку. *Кострюк* созвучно апеллятиву *Костюля*, отсюда и прозвище *Половник*.

Иногда в качестве прозвища используется апеллятив, входящий в одну и ту же лексико-семантическую группу, что и апеллятив, лежащий в основе фамилий (*Булка*

(Хлебникова), *Пароход* (Корабельников)). Разного рода ассоциации лежат в основе таких прозвищ, как *Мурзик* (Кошкин), *Пернатый* (Воронцов), *И-го-го* (Конева).

Если мы говорим «это Петя», то нас в данном случае интересует то, что перед нами конкретный человек по имени *Петр*. Предельная конкретность, единичность являются главными признаками имени, которое индивидуализирует именуемое. Самое большое число отыменных прозвищ дает созвучие имен и некоторых апеллятивов. Причем и в этих отыменных прозвищах можно вычлени следующие подвиды:

1) традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр – Петя* и слова *Петя*, которое можно считать кличкой петуха, что отражено в устном народном творчестве: *Петя* – отсюда прозвище *Петух*;

2) рифмованные дразнилки: *Обезьяна (Яна), Хрюша (Андрюша)*;

3) совпадение звучания имени и апеллятива: *Дыня (Дина), Соловей (Слава), Пахан (Павел)*;

4) встречаются и прозвища такого типа, которые имеют т. н. местный колорит: *Питирим* (Петр). Имя Питирима, архиепископа Тамбовского, жившего в XVII в. и причисленного к лику святых в начале XX столетия, на Тамбовщине известно каждому жителю области.

5) созвучными оказываются не полные личные имена, а уменьшительные их формы: *Леший* (Алексей – Леша), *Гаврила* (Игоря – Гаря);

Кроме различного вида созвучий, вызывающих всевозможные ассоциации, при образовании отыменных прозвищ огромную роль играют переосмысления, т. е. нахождение связей между именами и фамилиями, в которых прослеживаются некие сходные признаки.

Например, *Онегин* (Евгений), *Пушкин* (Александр Сергеевич), *Гагарин* (Юрий Николаевич), *Клювдия* (Клавдия). Последнее прозвище основано на сходном звучании имени Клавдия и утки Кловдии их мультфильма. *Кристи* (Кристина) – это прозвище, несомненно, восходит к созвучию имени Кристина и фамилии известной английской писательницы Агаты Кристи.

Подобные прозвища достаточно прозрачны, т. к. в них отмечен тот опыт, кото-

рый приобретен школьниками за годы их жизни.

Прозвища могут быть образованы и от отчества. Учительницу математики, которую все боятся, прозвали *Кондрашка*, и не только по тому, что ее отчество Кондратьевна, но и потому, что от ее взгляда, как говорят дети, «может кондрашка хватить».

Так же, как и в отфамильных прозвищах, в отыменных встречаются такие, которые образованы по типу аббревиатур: *БД* (Борис Дмитриевич), *Зене* (Зинаида Петровна), она же *Зепешка*, *ВЭН* (Владимир Николаевич).

Прозвища образуются от личных имен и отчеств при помощи суффиксов, причем выбор их зависит от отношения (негативного или позитивного) друзей к тому, кто получает это прозвище. Например, достаточно позитивным можно считать отношение к тому, кто носит прозвище *Иваныч* (Иванович). Более негативным следует считать отношение к человеку, имеющему прозвище *Аркашка* (Аркадьевна) и *Петрушка* (Петровна). Особенно обидным следует признать прозвище *Петрушка*, поскольку в опыте народа имеются прочные ассоциативные связи с именем персонажа народного лубочного искусства и театра.

Категория оценочности в сфере прозвищ, строящаяся на основе бинарных оппозиций, чаще всего отражает принцип *хорошо* (т. е. достойно уважения, похвалы, одобрения) – *плохо* (т. е. то, что осуждается) и служит выражению представлений, соотносимых с образом человека со всей совокупностью его параметров (внешность, характер, умственные способности и т. д.). Оценка физических, психических и других достоинств / недостатков людей зависит и от самой структуры общества, и от того социального коллектива, в котором употребляется имя. Моральные, нравственные, этические и эстетические нормы явно прочитываются в прозвищах.

Можно констатировать, что *норма*, будучи оценочным образованием, является самым важным в системе жизненных ценностей человека и тесно связана с эстетической оценкой. Большинство прозвищ указывает на параметры измерения качественной характеристики человека. В этом случае идея нормы развивается по линии «положительная оценка» – «отрицательная оценка», т. е. соответствующая или не соответствующая должному образцу.

При создании прозвища отправной точкой может стать любое слово, которое приобретает референциальную значимость, поскольку является коннотативно маркированным. Прозвища могут формировать категорию оценочных слов, т. е. в их семантике получают отражение дополнительные знания интерпретирующего характера: коннотация закладывается в семантику производного в процессе деривации. «Коннотативные онимы с вторично развивающимся сознанием, вероятно, можно отнести к ономастическим универсалиям, присущим словарному составу большинства языков мира», – подчеркивает Е.С. Отин.

Из всего сказанного выше следует один существенный вывод – имена собственные отличаются от имен нарицательных не столько качественной спецификой своей семантики, сколько своим местом в системе имен, которое определяется сходствами и различиями их семантических свойств по сравнению с другими именными частями речи.

В принципе, мотивированность, т. е. не только потенциальное присутствие этимологической семантики, но и наличие полноценной семантики в скрытой форме, является тем признаком прозвища, который для носителей языка как бы присутствует в этой системе по умолчанию.

1. *Войтович М.* Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. Познашь, 1986.
2. *Звездова Г.В.* Из наблюдений над прозвищами древнерусского языка и современных липецких говоров // Черноземье в лингвокультурологическом пространстве: межрегиональный сборник статей по краеведению. Липецк, 2004. С. 13-20.
3. *Данилина Е.Ф.* Прозвища в современном русском языке // Восточнославянская ономастика: материалы и исследования. М., 1979.
4. *Шостка Е.С.* Прозвища Тамбовской области: языковой и социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2009.
5. *Щербак А.С., Бурькин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77).
6. *Щербак А.С.* Проблемы изучения региональной ономастики. Ономастикон Тамбовской области: монография. Тамбов, 2006.

7. Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. Тамбов, 2008.
 8. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: монография. Тамбов, 2012.
 9. Тупилов Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
 10. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М., 2006.
 11. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
-
1. Voytovich M. Drevnerusskaya antroponimiya XIV–XV vv. Severo-Vostochnaya Rus'. Poznan', 1986.
 2. Zvezdova G.V. Iz nablyudeny nad prozvishchami drevnerusskogo yazyka i sovremennykh lipetskikh govorov // Chernozem'e v lingvokul'turologicheskom prostranstve: mezhregional'nyy sbornik statey po kraevedeniyu. Lipetsk, 2004. S. 13-20.
 3. Danilina E.F. Prozvishcha v sovremennom russkom yazyke // Vostochnoslavianskaya onomastika: materialy i issledovaniya. M., 1979.
 4. Shostka E.S. Prozvishcha Tambovskoy oblasti: yazykovoy i sotsiokul'turnyy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tambov, 2009.
 5. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvishch ot lichnogo imeni // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 9 (77).
 6. Shcherbak A.S. Problemy izucheniya regional'noy onomastiki. Onomastikon Tambovskoy oblasti: monografiya. Tambov, 2006.
 7. Shcherbak A.S. Regional'naya onomastika v kognitivnom aspekte: monografiya. Tambov, 2008.
 8. Shcherbak A.S. Kognitivnye osnovy regional'noy onomastiki: monografiya. Tambov, 2012.
 9. Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen. M., 2004.
 10. Otin E.S. Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imen. M., 2006.
 11. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1990.

Поступила в редакцию 2.08.2014 г.

UDC 81'373+81'271

SYSTEM OF VALUES OF ETHNOS BECAUSE OF ESTIMATION CONNOTATIONS (BASED ON MATERIALS OF TAMBOV NICKNAMES)

Marina Yuryevna MOROZOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate student, Russian Language Department, e-mail: morozko005@rambler.ru

The problem of distinguished of system realization of Russian ethnos because of estimation connotation in conceptual spheres is considered: relation to the man, appearance, height, character features, relation to religion, to social rules, etc. The author gives an attempt to comprehend not only genesis of nicknames from the point of its comparison with different appellative and with its motives, which is based on the proprial nomination. It has connection with problem of social and cultural analysis which studied less. This analysis is connected with secondary antroponimic units, such as nicknames. Main nominative strategies of nicknames are estimation one and nickname one, in contrary with wide known names of encyclopedia famous; this one has rational strategies of nomination. It is proved in the article. Nominative strategies mean physical features of real object, its connection with other objects (reflexive), estimation (estimation one), image (image one). Based on the material of Tambov nicknames the author describes nicknames, which reflect positive and negative features of its functioning in ethnos practice and comparative social experience. This is a result of appearance of occasional nicknames (nicknames of local famous). It functions with special cognitive strategy of language bearer – creative speech thinking.

Key words: estimation like language category; connotation; derivational activity of a man; word-forming micro-system of local nicknames; Tambov region.